

УДК 811.161.1'27
ББК 141.2-7

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 10.02.01

Е. Г. Малышева Е. G. Malysheva
Омск, Россия Омск, Russia

**КОНЦЕПТ 'ОЛИМПИАДА-2014'
КАК НОВОИДЕОЛОГЕМА
СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
(на материале текстов СМИ)**

**'OLYMPICS 2014' CONCEPT
AS NEW IDEOLOGEM OF MODERN RUSSIA
(on the material of the text media)**

Аннотация. Исследуются репрезентации новоидеологемы 'Олимпиада-2014' в текстах СМИ и являются национально маркированные и идеологически релевантные когнитивные признаки в структуре изучаемого концепта.

Abstract. The article is devoted to the study of the representation 'Olympics 2014' new ideologem in Mass Media texts. National bulleted and ideologically relevant cognitive characteristics in the structure of the concept are identified.

Ключевые слова: новоидеологема; концепт; медиатекст; идеологический дискурс; медиадискурс.

Key words: new ideologem; concept; mediatext; ideological discourses; mediadiscourses.

Сведения об авторе: Малышева Елена Григорьевна, доктор филологических наук, доцент, факультет филологии и медиакоммуникаций.

About the author: Malysheva Elena Grigorievna, Doctor of Philology, Associate Professor, Faculty of Philology and Mediacommunication.

Место работы: Омский государственный университет.

Place of employment: Omsk State University.

Контактная информация: 644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а, 2-й корп. ОмГУ, к. 221.
e-mail: malysheva_eg@mail.ru.

Впервые употребивший слово «идеологема» философ языка и литературовед М. М. Бахтин этим термином называл как социолекты в целом, так и языковые и/или концептуальные «маркеры» таких социолектов; однако очевидно, что он вел речь прежде всего об отраженной в этих «языках-идеологемах» картине мира, которая, по его мнению, была «злостно неадекватна действительности», вмещала лишь «кусочек, уголок мира», «мнения», «идеологемы» (выделено мной. — Е. М.), некие «гипотезы смысла» [Бахтин 1975: 105 и далее].

В современной лингвокультурологии и политической лингвистике (а также в собственно культурологии, политологии, социологии и истории) «всплеск» интереса к феномену *идеологема* связан прежде всего с изучением и описанием специфических языковых и концептуальных черт тоталитарного советского периода и тоталитарного языка советской эпохи [Купина 1995; Гусейнов 2004; Торохова 2006; Одесский, Фельдман 2008; Нахимова 2011 и др.]. Однако и в названных, и в целом ряде других исследований термин *идеологема* трактуется по-разному.

На наш взгляд, под *идеологемой* целесообразно понимать единицу когнитивного уровня — особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах.

Идеологема как ментальная единица характеризуется национальной специфичностью, динамичностью семантики, повышенной ак-

сиологичностью, частотностью и разнообразием способов репрезентации знаками различных семиотических систем, в первую очередь языковой.

Употребление вербальных маркеров идеологемы — ключевого слова, клише, устойчивых метафор и под. — является одним из основных способов ее языковой реализации.

Идеологемы репрезентируются не только в базовых дискурсах (идеологическом, политическом, массовоинформационном, публицистическом), но и в других типах дискурсов: рекламном, спортивном, учебном, научном, религиозном, развлекательном, бытовом; впрочем, даже в рамках большинства дискурсов, для которых идеологема не является концептуальной доминантой, названная когнитивная универсалия реализует свою важнейшую суггестивную функцию — «целенаправленное воздействие со стороны адресанта (отправителя речи) на сознание адресата (получателя речи)» [Клушина 2003: 269].

Подчеркнем: в разряд идеологем в разные периоды существования государства могут попадать концепты, содержательно не связанные с идеологической или политической сферой жизни. Это происходит тогда, когда в структуре данного концепта начинает выделяться уже названный идеологический признак. Сравним, например, идеологизацию в языке советской эпохи концептов 'господин' и 'товарищ' или идеологическую «нагруженность» концептов 'советский балет', 'советский ученый', 'советское языкознание'.

По признаку актуальности/неактуальности идеологемы в современной идеологической картине мира и в соответствующих типах дискурсов мы выделили 1) идеологемы-историзмы (*советский народ, социалистическое*

соревнование, КПСС, царь); 2) новоидеологемы (финансовый кризис, принуждение к миру, парламент, национальная идея, монетизация льгот, толерантность); 3) реактуализованные идеологемы (губернатор, дума); 4) универсальные идеологемы (Родина, флаг, гимн, патриотизм).

В качестве **новоидеологем** рассматриваются идеологемы, актуальные для большинства носителей языка, общеупотребительные, активно функционирующие в политическом и других дискурсах постсоветской России, такие как *правовое государство, стабилизация экономики, национальное самосознание, национальный проект, модернизация* и под. Подчеркнем, что, по нашему убеждению, состав новых идеологем неоднороден и непостоянен, граница между этим и другими видами идеологем крайне подвижна и исторически изменчива.

Справедливости ради еще раз следует заметить, что содержательная специфика и оценочные смыслы, присущие идеологемам разного вида, определяются прежде всего особенностями существующего в стране общественно-политического строя, «типологией» субъектов власти, геополитической и экономической обстановкой в мире.

Одним из чрезвычайно актуальных для медиадискурса и для коррелирующих с ним политического, идеологического дискурсов является концепт **'Олимпиада-2014'**, когнитивная структура которого позволяет говорить о нем как об общеупотребительной новоидеологеме.

На наш взгляд, анализируемый концепт изначально был идеологическим феноменом со смешанным аксиологическим модусом, поразному понимаемым и диаметрально противоположно оцениваемым носителями языка в связи с их политическими, идеологическими взглядами на специфику современного социально-экономического положения России, на пути развития нашей страны.

Таким образом, уже на «старте» функционирования анализируемого концепта и его репрезентации в текстах, прежде всего в медиадискурсе и политическом дискурсе, «спортивная составляющая» в содержательной структуре данного когнитивного феномена не была определяющей: в ядре концепта выделились прежде всего идеологически маркированные признаки, такие как **'политическая победа России'**, **'свидетельство политической мощи России'**, **'подтверждение авторитета России'** (право проводить Олимпиаду 2014 года в Сочи — это политическая победа России и повышение ее политического веса в мире [Время // Первый канал, 8.07. 2007]; победа русской заявки — это укрепление имиджа державы, возвращающейся на мировую арену в качестве крупного игрока [Time. 2008. 6 июля — статья под «говорящим» названием «Олимпиада в Сочи: победа Путина»]); **'национально значимый проект'** (эта заявка

воспринята с огромным энтузиазмом всей Россией... миллионы граждан России объединены олимпийской мечтой — речь В. В. Путина на сессии МОК, Гватемала, 04.07.2007).

Заметим, что в текстах СМИ отражен еще один, весьма значимый и специфический, когнитивный признак изучаемого концепта — **'политическая победа президента России'**. Действительно, практически все медиатексты, связанные с оценкой шансов олимпийской заявки Сочи на победу, эксплицируют мысль о том, что для Владимира Путина это голосование являлось *очень важным моментом в его политической карьере. Выигрыш права провести Игры станет своего рода наградой, причем всемирной, признанием правильности курса, проводившегося господином Путиным на протяжении последних семи лет* [Владимир Путин прибыл за наградой // Коммерсантъ. 2007. № 115 (3691). 4 июля].

Подчеркнем, что на самом деле идея проведения зимней Олимпиады в Сочи крайне неоднозначно оценивалась (и, добавим, оценивается до сих пор) представителями разных слоев российского общества, что подтверждает анализ текстов СМИ, посвященных этой теме.

Интересно, что в период, предшествовавший объявлению столицы Олимпийских игр 2014 г., в массовом сознании россиян (и особенно жителей Краснодарского края) была отчетливо проявлена отрицательная оценка самой идеи проведения Олимпиады в Сочи, не верие в возможность воплощения данного проекта и даже уверенность в его провале. Таким образом, в структуре концепта 'Олимпиада-2014' были сформированы когнитивные признаки с отрицательным аксиологическим модусом **'ненужный, вредный проект'**, **'невыполнимая задача'**, **'способ незаконного обогащения'**. Так, накануне оглашения результатов голосования МОК журналист газеты «Коммерсантъ» М. Зыгарь провел опрос мнения жителей Сочи, который отразил в репортаже, содержательно диссонирующем с выступлением на сессии МОК российской делегации и президента В. В. Путина. Примечательно, что репортажи о результатах голосования членов МОК и об отношении жителей Сочи к возможному проведению Олимпиады на их территории размещены в одном номере газеты (2007. № 116 (3692). 5 июля).

Прочитируем репортаж из Сочи: *Если мировое сообщество хочет подложить нам свинью, они, конечно, дадут нам провести эту Олимпиаду,— говорит мне москвичка Ирина, владелица дома в Красной Поляне и квартиры в Сочи.— Вы посмотрите, что в городе делается. С дорогами, с аэропортом, со всем остальным. Это просто ужас. За семь лет построить новый город невозможно. Я много общалась с местными чиновниками. Те деньги, которые могли, они уже сперли. Поэтому для них, если Сочи*

проиграет, будет оптимально. А победа будет для них страшным шоком. Никто не готов. Я сама, например, была бы счастлива, если бы Олимпиада прошла в Сочи. Но нереально это.

Впрочем, и тональность событийного репортажа, в котором сообщаются подробности презентация Сочи как будущей столицы Олимпиады-2014 и оцениваются заслуги «модератора» олимпийской заявки Сочи президента России В. В. Путина, также весьма иронична и даже критична. Журналист А. Колесников основное внимание уделяет характеристике эмоционального состояния В. В. Путина и его «команды», описанию поведения президента России и членов российской делегации до, во время и после выступления на сессии МОК; в тексте с повышенной оценочностью эксплицируется не только соответствующее отношение к самой идее проведения Олимпиады в условиях современной России, но и отношение к позиционированию места современной России в мире, которое предложено в речи В. В. Путина: *Владимир Путин сильно артикулировал губами, и если бы он вежливо не улыбался ими при этом, я бы подумал, что он повторяет членам МОК избранные места из своей мюнхенской речи*, — комментирует автор статьи, проводя параллель между резким и жестким выступлением российского президента о недопустимости однополярного мира на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности (10.02.2007) и презентацией сочинской олимпийской заявки. Обратим внимание на оценку тональности речи российского президента, который своим речевым поведением оказывает агрессивное воздействие на адресатов, не позволяя им усомниться в силе и мощи государства, которое он представляет.

Впрочем, как констатирует А. Колесников, *это все-таки была речь мирного человека, который, правда, понимал, что готовится к Олимпиаде придется в условиях военного времени, — слыхом много подвигов придется совершить*. Посредством контекстной антонимии (*мирный человек — в условиях военного времени, подвиг*) иронически подчеркивается чрезвычайность и даже авантюристичность, с точки зрения журналиста, стремления российского руководства проводить Олимпиаду в нашей стране, и эта мысль далее в статье развивается: Он (Путин. — Е. М.) закончил на французском, вкратце повторив участникам сессии, что их решения ждут миллионы россиян. *Надеюсь, это не прозвучало как угроза. ... Председатель правления российского заявочного комитета Елена Аникина поподробнее рассказала о русской душе (этот международный термин эксплуатировался на презентации особенно беспощадно): „Русская душа“ сформировалась как сочетание уникального географического*

положения нашей страны и ее многовековой истории... На нее оказала влияние и волшебная, мистическая русская зима! Сердца русских наполнены сентиментальностью, прагматизмом и щедростью! Мы научились полагаться друг на друга, чтобы пережить долгую русскую зиму... Мы научились доверять друг другу. Доверие — основа любых отношений... И я могу заверить вас, дамы и господа, что вы можете доверять России и положиться на нее в том, что она примет эти игры на высшем уровне. Вы можете положиться на нашу русскую душу! Вот тут я на месте членов МОК был бы поосторожнее.

Авторская позиция по отношению к описываемому событию вербализуется в своеобразных «ремарках» (*Надеюсь, это не прозвучало как угроза; Вот тут я на месте членов МОК был бы поосторожнее*), которые характеризуют иронический настрой адресанта относительно преимуществ проведения Олимпиады в России, среди которых на первое место ставилось желание «миллионов россиян» принять у себя Олимпиаду и опора на пресловутую «русскую душу», иронично названную А. Колесниковым «международным термином».

Особенно частотной в материалах СМИ, посвященных выбору Сочи в качестве столицы Олимпиады 2014 г., является экспликация прямой связи между этим событием и выборами президента России в 2012 г., а именно возможностью возвращения В. В. Путина на этот пост. Чрезвычайно специфичным и детерминированным общественно-политическими условиями современной России является вербализованный в этих текстах когнитивный признак новоидеологемы 'Олимпиада-2014' 'повод для возвращения к власти'. Например, в статье под «говорящим» заглавием «Гватемала не покажется», основанным на языковой игре и уже оценивающим «политические перспективы» сочинского олимпийского проекта, журналист Шамиль Идиатуллин анализирует истинные причины возникновения идеи проведения Олимпиады 2014 г. в нашей стране и скрытые политические мотивы решения о ее проведении, политическую и идеологическую подоплеку «олимпийского проекта». На наш взгляд, данный текст заслуживает обширного цитирования, тем более что сегодня он выглядит пророческим: *Борьба России за Олимпиаду была построена по правилам народной сказки или голливудского боевика (заменившего сказку современным детям), согласно которым герой сперва должен пострадать, упасть на одно колено — а потом всех победить. Первая часть этого сюжета была реализована с ошеломляющим рвением. На комиссию МОК сильное впечатление произвел абсолютно неготовый к состязаниям Сочи, на спортсменов — возможность, почти не отходя от лыжни, искупаться в стильном море, на сочинцев — обещания отобрать*

дома и участки в обмен на бессмысленные в местных условиях хоккейные арены, а на большинство россиян — игнорирование обширных полузаброшенных территорий Сибири, Севера и еще примерно двух третей страны, куда менее освоенных и куда более пригодных для зимних Игр.

Проект „Сочи-2014“ был необходим по двум причинам, не имеющим никакого отношения к спорту. Мы должны были взять Олимпиаду, чтобы она не досталась неказистым врагам, ввергнув нас в пучину депрессии и паранойи... Вторая причина была еще существеннее, особенно сейчас, в разгар массовой ностальгии по микроэпохе брежневского изобилия, пик которой пришелся на 1980-й, когда все, кто его помнит, были молодыми или маленькими и когда мы, несмотря на Америку, Афганистан и смерть поэта, отгрохали праздник себе и всем на зависть, а потом светло плакали — а мишка олимпийский улыбался и улетал. Не плакал тогда лишь тот, кто еще не родился. Но теперь-то он родился и тоже хочет вытирать счастливые слезы. Тем более что в Москве была XXII Олимпиада. И в 2014 году будет XXII, только зимняя. И что это, если не судьба?

Вторая причина все и решила. Потому что сограждане который месяц живут как 3 августа 1980 года, готовясь к тому, что кумир вот совсем уже скоро, меньше чем через год, улыбнется и улетит в известный только ему сказочный лес, оставив за тапливающую сердце нежность и пожелание новой встречи друзьям. А плоды всех его стараний достанутся кому-то другому.

Но законы сказки, по которым строилась российская олимпийская концепция, не предусматривают несчастливого конца. Герой должен победить, дурак — жениться на принцессе, а мишка — вернуться. Лучшие из соотечественников поняли это довольно быстро, ведь полномочия президента, избранного в 2008 году, истекут в 2012-м. И в этом 2012 году никто не помешает Владимиру Путину снова стать президентом. Ведь теперь у него будет серьезный повод.

Конечно, есть вероятность, что за свой второй срок решит вдруг побороться и никому не известный пока человек, избранный в 2008 году. Но странно даже думать о том, что этот неизвестный сможет отбить у всеми любимого Путина право открытия и проведения Олимпиады, собственноручно Путиным и добытой.

14 июня президент России любезно дал намек тем, кто еще не понял текущего момента: он сообщил королю Швеции Карлу XVI, что будет рад видеть его в качестве почетного гостя сочинской Олим-

пиады. Судя по рейтингам олимпийских соискателей, намек был понят не только в Швеции и России. О том же, впрочем, свидетельствуют и итоги гватемальского голосования.

Так что теперь он вернется. (Журнал «Власть». 2007. № 26(730). 9 июля.)

Итак, автор статьи точно указывает на то, о чем мы говорили выше и что соответствует нашим представлениям о структуре когнитивного феномена 'спорт' вообще: проект «Сочи-2014» не имеет «никакого отношения к спорту». Причины, по которым В. В. Путин и его «команда» так активно боролись за проведение Олимпиады в Сочи, лежат в области идеологии и политики. Кремлевские идеологи, по мнению автора (и мы разделяем эту точку зрения) точно «диагностировали»: в конечном итоге ничто так не объединяет разрозненную и нестабильную в экономическом, политическом, идеологическом и прочих отношениях нацию, как грандиозные, масштабные спортивные победы, тем более что в них базовые для массового сознания россиян когнитивные категории 'советское прошлое/постсоветское настоящее' оказываются не оппозитивными, а сопоставленными, объединенными семантикой преемственности, традиции: *...сейчас, в разгар массовой ностальгии по микроэпохе брежневского изобилия, пик которой пришелся на 1980-й, когда все, кто его помнит, были молодыми или маленькими и когда мы, несмотря на Америку, Афганистан и смерть поэта, отгрохали праздник себе и всем на зависть, а потом светло плакали — а мишка олимпийский улыбался и улетал. Не плакал тогда лишь тот, кто еще не родился. Но теперь-то он родился и тоже хочет вытирать счастливые слезы.* Несомненно, что уже эта «идеологическая» сверхзадача и ее активная трансляция в разнообразных дискурсивных практиках журналистов, политиков привносит в когнитивную структуру феномена 'Олимпиада-2014' уникальные, национально специфические признаки и слою.

Впрочем, еще более уникальной является важнейшая политическая составляющая олимпийского сочинского проекта, верно «считанная» и российским, и мировым сообществом: Олимпиада-2014 — это символический «знак» того, что В. В. Путин в год проведения в России его политического «детства» — Олимпийских игр в Сочи — будет президентом России. Ироническая параллель «Путин — олимпийский Мишка» в сочетании с трансформированной цитатой из русской анимационной версии сказки А. Линдгрена о Карлсоне («Он улетел. Но он обещал вернуться... Милый... Милый») придает анализируемому тексту ироническую модальность, позволяет ему оказать на адресата сильный перлокутивный эффект, тем более что финальное предложение текста — вывод автора о политическом «сценарии» будущего

России, в реальности которого адресант не сомневается: **Так что теперь он вернется.**

Таким образом, на фоне многократно высказанной нами мысли о том, что мегаконцепт 'спорт' является универсальной идеологемой, объединяющей советский и постсоветский политический, идеологический и медиадискурсы и идеологические картины мира [см., напр.: Малышева 2009], не будет ошибочным вывод о несомненно идеологическом и национально специфическом, уникальном характере концепта 'Олимпиада-2014', который мы квалифицируем как новоидеологему и в котором, на наш взгляд, выделяются такие противопоставленные по аксиологическому модусу когнитивные признаки, как, с одной стороны, **'политическая победа России', 'свидетельство политической мощи России', 'подтверждение авторитета России', 'национально значимый проект', 'политическая победа президента России', 'повод для возвращения к власти'**, а с другой — **'ненужный, вредный проект', 'невыполнимая задача', 'способ незаконного обогащения'**.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Слово в романе // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. — М. : Художественная литература, 1975.
2. Гусейнов Г. Ч. Д. С. П. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. — М. : Три квадрата, 2004.
3. Клушина Н. И. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / отв. ред. М. Н. Володина. — М. : Изд-во МГУ, 2003. С. 269—289.
4. Кутина Н. А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции (Документы. Материалы. Комментарии). — Екатеринбург ; Пермь: Изд-во Урал. ун-та, 1995.
5. Малышева Е. Г. Универсальная идеологема 'Спорт' в спортивно-идеологическом и политическом дискурсе СССР и современной России // Личность. Культура. Общество. 2009. Т. 11. Вып. 1(46—47). С. 330—337.
6. Нахимова Е. Н. Идеологема Сталин в современной массовой коммуникации // Политическая лингвистика. 2011. № 2. С. 152—156.
7. Одесский М. П., Фельдман Д. М. Идеологема «патриот» в русской, советской и постсоветской культуре // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 109—123.
8. Торохова М. В. Идеологема «Террор» в ивритоязычной палестинской периодике 1946—1948 гг. : дис. ... канд. филол. наук. — М., 2006.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Н. Н. Белозерова